

ЛАШКАРБЕКОВ Б. Б.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ВАХАНСКОГО ГЛАГОЛА НА ТРЕХ СТАДИЯХ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

При рассмотрении структуры ваханского глагола в историческом аспекте выявляются такие случаи, когда та или иная форма восходит непосредственно к древнеиранскому уровню, и такие, когда совершенно очевидно ее позднее происхождение. Наряду с теми и другими отмечаются также формы, которые не восходят к древнеиранским и не могут трактоваться как поздние, поскольку образуются по застывшим схемам, принципы построения которых с точки зрения современных норм не ясны.

В настоящей статье предпринята попытка установить методом внутренней реконструкции этапы исторического развития ваханского глагола, вскрывая взаимосвязь и взаимообусловленность отдельных явлений, что дало бы возможность проследить его эволюцию как единой целостной системы, выявить динамику развития языка.

Проведенный анализ дает основание говорить о становлении ваханской глагольной системы на трех стадиях языкового развития, определяемых как протоваханское, ранневаханское и поздневаханское состояния. С поздним состоянием вплотную соприкасается современный этап развития системы глагола.

Протоваханское состояние. Эта стадия определяется как период становления одного из поздних древнеиранских диалектов, легшего в основу ваханского языка. Его возникновение связывается с распадом более крупного диалектного объединения — восточноиранского. Применение термина «диалект» (а не «язык») по отношению к восстанавливаемому периоду обосновывается тем, что все его особенности развивались в соответствии с нормами древнеиранских языков и на базе тех же унаследованных морфологических единиц. На хронологической шкале этот период является третьей (после общеиранского и восточноиранского) и, пожалуй, последней стадией в развитии данного диалекта древнеиранской языковой эпохи. Следующий этап его развития ознаменовался рождением нового иранского языка — ваханского.

Выделение протоваханского, судя по всему, намечилось уже на очень раннем этапе, о чем, в частности, свидетельствует особое отражение др.-ир. **θ* (и.-е. **k*₁) как вах. *š* при *sp* в остальных памирских языках, использование отглагольных имен на *-*na* в качестве основ прошедшего времени (чем ваханский отличается от всех остальных иранских языков), а также факты, связанные с особенностью косвенной конструкции предложения, не ограничивающейся выделением одних лишь переходных глаголов. В результате мы не имеем веских аргументов в пользу промежуточной общности ваханского с другими известными иранскими, прежде всего — памирскими языками.

Как известно, уже на общеиранском уровне многие унаследованные от индоевропейского грамматические формы стали утрачивать прежние функции, переходя в разряд непродуктивных застывших форм, другие же, наоборот, на иранской почве становятся более продуктивными, примером чего может служить ранняя активизация класса так называемых каузативных основ на *-*aya* [1, с. 86—87, 100]. В каких-то случаях происходило смешение некоторых грамматических форм [1, с. 100—101]. Все эти тенденции более ярко стали проявляться в поздних диалектах, возникших в результате распада иранского праязыкового состояния.

Поздние диалекты вместе с тем унаследовали от праязыкового состояния богатый флективный тип, что открывало перед каждым диалектом-языком широкие возможности вырабатывать специфические тенденции развития, оказывая при этом предпочтение той или иной языковой форме или явлению.

Протоваханскому диалекту, судя по всему, были присущи следующие структурные черты.

В нем заметно уменьшилась численность глагольных классов — примерно до пяти. Сохранившиеся классы наполняются, однако, более четкими значениями и становятся более продуктивными.

Особую активность приобретает класс так называемых каузативных основ на **-aya* с обязательным усилением корневого гласного. В ряде примеров каузативный суф. **-aya* нашел непосредственное отражение¹: *дывыу*-² «красть» < **dāβ-aya-*, $\sqrt{dāb-}$; *рытмыу*- «дразнить» < **pati-māya*-³, ср. *rətməy-* «измерять» < **pati-maya*, $\sqrt{mā(y)-}$; *выздыу*- «стирать, мыть» < **ava-snāya-*, $\sqrt{snā(y)-}$, ав. *snā-*, др.-инд. *avasnāyati*.

Основной приметой этого класса на современном этапе является огласовка *ы* (< **ā*). Существенно, что из имеющихся около 60 глаголов с «ы»-огласовкой 50 являются переходными. В парных глаголах этот гласный всегда выделяет переходный или каузативный глагол: *пыу*-«увлажнять, мочить» при *nav-* «впитывать влагу», $\sqrt{nab-}$; *быт*-«разрушать» < (**ham-*)*pātaya* при *bəδ-* «рушиться», $\sqrt{pat-}$; *тыс*-«набивать» при *təç-* «расти», $\sqrt{tak/g-}$; *спын*-«наполнять» при *span-* «наполняться», $\sqrt{prn-}$; *дрыу*-«заставлять косить» при *draw-* «косить», $\sqrt{drav-}$; *рсыу*-«возвращать» при *ršəw-* «возвращаться», возможно, < $\sqrt{šyav-}$ (?); *нысыв*-«укладывать спать» (< **ni-sāya-* с прибавлением позднего каузативного суф. *-v*) при *nəsəy-* «ложиться спать», $\sqrt{sa(y)-}$; *кыф*-«заставлять лопаться» при *kaf-* «лопаться», *шыр*-«заставлять сосать (грудь)» при *šap-* «сосать», возможно, < $\sqrt{θvar-}$, ср. шугн. *sipaf-*; *выу*-«жечь» при *vau-* «гореть», $\sqrt{vav-}$; *ныс*-«терять» при *naš-* «теряться», ав. *nas-*.

Что касается непреходных глаголов с «ы»-огласовкой, то большинство из них выражает произвольное действие, в связи с чем можно полагать, что эти глаголы изначально оформлялись по каузативному типу (поскольку действие в них совершается не по воле субъекта, а как бы принудительно) и спрягались в прошедшем времени по образу и подобию переходных глаголов⁴ (см. ниже). Ср.: *гыхыр*-«засыпать», < **fra-h^vap-aya*, $\sqrt{h^vap-}$, ср. шугн. *šofc-*; *пыу*-«плакать», $\sqrt{nab-}$; *зытмыу*-«зевать», возможно, < **zāmb-aya-*, ср. русск. *зевать*, *сдыу*-«казаться», $\sqrt{sad-}$, ав. *sad-aya-*, *гыу*-«лягать» и *зрыу*-«выть», $\sqrt{rā(y)-}$; *хрыф*-«храпеть».

При сочетании основ с суф. **-aya* на протоваханском уровне усиливались также огласовки сонантного происхождения, о чем можно судить, исходя из наличия значительного числа переходных глаголов с современной «i»-огласовкой⁵ (< **ai* < **au*, которые равняются по своей функции сильной ступени «ы»-огласовки). Ср. следующие примеры этого типа: *вин*-«видеть», $\sqrt{win-}$; *питиц*-«нанизывать», $\sqrt{tik/g-}$; *нимил*-«подшивать»,

¹ В некоторых иранских языках следы этого суффикса прослеживаются в виде умлаутной перегласовки корневого гласного (хотаносакский [2], шугнано-рушанская группа [3, с. 114]).

² Уподобление огласовки двусложных основ по типу сильного гласного **ā* > *ы* — характерное явление исторической фонетики ваханского языка.

³ Основы от корней на **-^oā* (*y*) могут иметь корневой тип C + *ay* или тематический C + *āya* уже в древности и лишь потом пересосмысляются как каузативные основы (C + любой гласный).!

⁴ О возможных структурных особенностях глаголов, выражающих состояние и произвольное действие, см. [3, с. 100; 5].

⁵ Соотношение переходных/непереходных глаголов в данном случае составляет 25 : 8.

$\sqrt{m\bar{i}l}$ -; δic - «доить», duk/g -; $\dot{z}ip$ - «шрясть», $\sqrt{g\bar{i}b}$ -; riz - «пороть», $\langle *rau\bar{j}$ -
 aya -, \sqrt{rug} -; ав. *fra-uruxti* и др.

Непереходные глаголы с «i»-огласовкой также в большинстве случаев выражают непроизвольное действие типа: *liv*- «поскользнуться» $\langle *lai\beta$ - [4, с. 1,73]; *pidic*- «гореть», $\sqrt{dei}/dei\bar{a}$ - [3, с. 44]; *nižir*- «желтеть (о посеве)», ср. шугн. *nižêr*; *riž*- «болеть», *ṭif*- «чихать», *wiš*- «садиться (о солнце)».

В оппозиции к классу каузативных основ на протоваханском уровне развивается класс так называемых медиальных основ на $*-ya$. См. случаи сохранения рудимента $*-ya$ в глаголах: *təgəy*- «умирать» $\langle *m\bar{r}$ - ya -, $\sqrt{m\bar{r}}$ -, др.-инд. *mriya*-, х.-с. *mar*- $\langle *m\bar{r}$ - ya - [6, с. 109]; *kəṭəy*- «хотеть», \sqrt{kam} -, др.-перс. *kama*-; *wəzəy*- «приходить», \sqrt{waz} - [4, с. 220] (возможно, также $\langle *awa$ - $zəy$ -) [7, с. 877], ср. язг. *za(y)* «приходить»; *pərvəy*- «попадать», возможно, $\langle *pari$ - bav - ya -, \sqrt{bav} - [4, с. 188], ав. *pari*- bav - a - «одолевать». См. также случаи сохранения рефлекса $*-ya$ только в 3-м л. ед.ч.: *čirmit* (от глагола *čərat*- «входить») $\langle *čərm$ - i - t - $\langle *čərm$ - ya - ti -, $\sqrt{k/čərm}$ -; *pirmirit* (от глагола *pərmər*- «вянуть»).

Следы класса на $*-ya$ обнаруживаются также в следующих исходных элементах:

а) $-č$ $\langle *-\check{c}$ - ya [8, с. 463; 4, с. 39]; *pəč* «вариться» $\langle *pač$ - ya - при *pac*- «варить» $\langle *pač$ - a -, $\sqrt{pak/g}$ -; *rəč*- «идти» и *wəgəč*- «оставаться», $\sqrt{rik/g}$ -; *təč*- «расти» при *tyc*-, «набивать», $\sqrt{tak/g}$;

б) $-δ$ $\langle *-\bar{d}$ - ya или $*-t$ - ya (с озвончением и последующей спонантизацией $t \rightarrow d \rightarrow \delta$): *bəδ*- «падать» $\langle (*ham)$ - pad - ya - (при *byt*- «валить»), \sqrt{pat} -, ав. сож. *paidyāite* (*pad*- ya -), др.-инд. *pad*- ya - te «падает»; *škəδ*- «ломаться» при *škənd*- «ломать», \sqrt{skad} -; *žəδ*- «рассыпать», возможно, $\langle *zrad$ - ya - (?), др.-инд. *hrad* «град», ишк. *žid*- «проливать»; *rəδ*- «убегать», возможно, \sqrt{rud} -, ав. *fra-raodayeiti* «заставлять течь».*

На отражение $*a > \bar{a}$ в вышеприведенных односложных основах также мог повлиять $*-ya$. Основы *yož*- «рожать» и *wiš*- «садиться (о солнце)» возводятся также к классу на $*-ya$ соответственно $\langle *a$ - za - ya -, \sqrt{zn}/za - и $*awa$ - is - ya - [8, с. 549].

На протоваханском уровне в связи с тематизацией ранее корневых основ (явление, характерное для позднего периода развития древнеиранских диалектов [9]) широко распространяется класс основ на $*-a$, куда входят также ранее корневые основы. Признаком этого класса в современных односложных основах является «a»-огласовка и абсолютная нейтральность этих основ к переходности/непереходности: именно класс на $*-a$ в древнеиранском не имел залоговой закреплённости (типа *barati* «он несёт» и «его несут»). В ваханском языке существует приблизительно равное количество переходных и непереходных (35 : 30) глаголов с «a»-огласовкой. Ср. переходные: *draw*- «косить», *šar*- «сосать», *zway*- «наматывать», *car*- «делать» (соответственно $\langle *draw$ - a -, $*vvar$ - a -, $*uz$ - way - a -, $*čar$ - a -) и непереходные: *čaw*- «идти», *san*- «подниматься», *nav*- «мокнуть, впитывать влагу» (соответственно $\langle *čyav$ - a -, $*san$ - a -, $*nav$ - a -). Ср. также примеры, говорящие о том, что «a»-огласовка лишена грамматической функции: при маркировке переходного *vaw*- «жечь» $\langle *vāw$ - aya - za классом $*-a$ закрепляется непереходное значение — *vaw*- «гореть» $\langle *vaw$ - a -; и наоборот, при маркировании непереходного *pəč*- «вариться» $\langle *pač$ - ya - этот класс приобретает переходное значение *pac*- «варить» $\langle *pač$ - a -.

В двусложных основах все древнеиранские краткие гласные отразились в ваханском как «a», так что явных примет класса на $*-a$ в этих случаях не сохранилось. Логически к классу на $*-a$ при этом можно возвести те переходные двусложные основы с огласовкой «a» (непереходные могут восходить как к классу на $*-a$, так и на $*-ya$), которые не имеют в своем составе явных примет других классов, типа: *nəspər*- $\langle *ni$ - $spara$ - a - «на-

ступать», $\sqrt{spar-}$, ав. *spara-*, шугн. *nišpār-*; *yər wər-* «выбирать» < $*ā-$
var-a-, ав. *var-*, согд. *yw'g* «выбор» и др.

Класс основ на $*-n-$ и $*-na$ в отличие от предыдущих выделяется на протоваханском уровне уже как непродуктивный. Почти все засвидетельствованные основы с этими показателями унаследованы от более древнего состояния, в отличие от языков шугнано-рушанской группы, где налицо новообразования с этими показателями [3, с. 122]. Однако класс на $*-n(-)$, несомненно, имел в этот период лексико-грамматическое значение переходности, поскольку все глаголы этого типа в современном ваханском языке переходные: $\sqrt{xənz-}$ «лить», $\sqrt{hvin/g-}$, ав. *hinčaiti* «льет»; $\sqrt{vərdənz-}$ «давить», $\sqrt{d̄ra(n)k/g-}$, ав. praes. *dranīaya-*; $\sqrt{rəsənz-}$ «вешать», $\sqrt{s̄a(n)k/g-}$, ср. тадж. *sanj-* «проверять», *tanz-* «натягивать нитку (паутину)», $\sqrt{ia(n)k/g-}$, ав. *tanjaya-* «тянуть»; $\sqrt{vrin-}$ «стричь», $\sqrt{brī-}$, ав. *imprv. Med. vrinanuha* (*brīn-*, *brīna-*), ср.-перс. *brīn-*, ягн. *virin-*; $\sqrt{wičīn-}$ «сыпать (зерно из кузова мельницы)», ав. *čīnav-* «выбирать», согд. *w(y)čyn*, шугн. *wizīn-* «свобождать, удалять»; $\sqrt{zənd-}$ «отнимать» < $*zi-na-$ [4, с. 229], $\sqrt{zī/zyə-}$, ав. *zīnā-*, др.-перс. *a-di-nā*; $\sqrt{škand-}$ «разбивать» при $\sqrt{škənd-}$ «разбиваться», $\sqrt{ska(n)d-}$; $\sqrt{rand-}$ «давать» < $*ra(n)d-a-$ (возможно, на индоиранском уровне причастное образование < $*rata$ [10]; $\sqrt{rygund-}$ «продавать» < $*para-$
 $\sqrt{rand-a-}$ [11, с. 238] (усиление огласовки, возможно, явление позднее, хотя см. сочетания с каузативом в Авесте: *sčīndayēiti* (*skandaya-*) «ломает»; $\sqrt{vand-}$ «завязывать», $\sqrt{bā(n)d-}$; $\sqrt{nund-}$ «сажать» < $*ni-hand-a-$, $\sqrt{had-}$, санг. *nēnd-*, шугн. *nēd-* < $*ni-hadāya-$ [12]; $\sqrt{zrənd-}$ «скоблить», $\sqrt{ra(n)d-}$. Ср. также глаголы, не имеющие достаточно прозрачных этимологий: $\sqrt{nišind-}$ «вытаскивать», ср. шугн. *našfēn-*; $\sqrt{yund-}$ «шесть», возможно, < $*yand-$ [8, с. 554]; $\sqrt{zələnd-}$ «трясти».

На протоваханском уровне имел распространение также класс так называемых инхотивных основ на $*-sa$ (др.-ир. $-sva$, и.-е. *skēlo*), хотя в ваханском он оказался менее продуктивным, чем в шугнано-рушанской группе языков. Здесь, в отличие от класса на $*-n(-a)$, помимо основ, восходящих к древнему состоянию, мы находим и поздние образования типа: $\sqrt{rədməš-}$ «пухнуть» < $*dam-s-ya-$ [7, с. 863; 8, с. 533; 4, с. 187], др.-инд. *dham-* «надуваться»; $\sqrt{gəfs-}$ «бегать», возможно, < $*gif-$
 $\sqrt{sa-}$, $\sqrt{gīv/b-}$ «вращаться», $\sqrt{pidic-}$ «гореть» при $\sqrt{pisyw-}$ «жечь» (позднее образование от $*pidic + iw-$ с отпадением слога $-di-$), ср. шугн. *pidis-* «гореть» при $\sqrt{pidin-}$ «жечь», язг. соответственно *padays-* и *paday-*, $\sqrt{deī-/deīə-}$ [3, с. 44]; $\sqrt{wərəfs-}$ «стоять», $\sqrt{rap-}$ [4, с. 218], шугн. *wirafs-* «стоять» при $\sqrt{wiremb-}$ «заставлять стоять, ставить»; $\sqrt{šəx(ə)s-}$ «проходить», $\sqrt{sak-}$, ав. *sačate* (*sača-*) «истекать», др.-перс. *θakata-* «прошедший»; $\sqrt{nədfs-}$ «прилепляться», $\sqrt{dab-}$; $\sqrt{naš-}$ «теряться», < $*nas-sa-$ при $\sqrt{nyš}$ «терять».

Сравнительно малую продуктивность этого суффикса следовало бы, очевидно, видеть в наличии одновременно двух грамматических средств для выражения непереходности $*-ya$ и $*-sa$, первое из которых получило более широкое распространение, точно так же, как распространение каузативных основ на $*-aya$ тормозило развитие носовых суффиксальных и инфиксальных основ на $*-n-$, $*-na$. Сходная с ваханским картина наблюдается в мунджанском языке: генерализация непереходных основ по типу $*-ya > -i$ очень рано приостановила развитие основ на $*-sa$ [3, с. 120]. В шугнано-рушанской группе происходит обратное: $*-sa$ занимает более активную позицию, а суф. $*-ya$ здесь постепенно утрачивает свое морфологическое значение [3, с. 126].

Древнеиранские превербы $*fra$, $*ni$, $*pati$, $*pari$, $*ava$, $*avi$, $*uz$ в протоваханском в какой-то степени оставались самостоятельными лексическими элементами. Ср., например, собственно ваханские префиксальные образования: $\sqrt{ryšyr-}$ «спать» < $*fra-h^v\bar{a}p-aya-$ (см. выше), $\sqrt{h^v\bar{a}p-}$ при ав. $h^v\bar{a}p$, шугн. $\sqrt{xofc-}$ < $*h^v\bar{a}f-s-$, тадж. инф. *xuftan*; $\sqrt{nisrəw-}$ «подсматривать» < $*ni-sār-aya-$ (?) при шугн. $\sqrt{sēr-}$ < $*sār-aya-$, тадж. (бадахш.) *sor-*; $\sqrt{rədməš-}$ «пухнуть» < $*pati-dam-s-ya-$ при тадж. *dam kardan*

«опухать»; *rəwəz-* «летать» < **fra-waz-a-* (или *waz-ya-*) при вах. *waz-* «падать», √ *waz-*. Однако на последующих этапах старые превербы утрачивают прежнее значение, перестают осознаваться и сохраняются лишь в составе неразложимых основ. Только префикс *pər* < **pari*, по-видимому, остался активным вплоть до поздневаханского состояния. Ср. случаи позднего префиксального образования: *pərpəṣ-* «созревать» (о гнойнике) от глагола *pəṣ-* «вариться»; *pərp(i)ḍic-* «сгорать» при *riḍic-* «гореть»; *pərtəṣ-* «вянуть» при *təṣu-* «умирать»; *ryḡyḡ-* «штопать» при (*w*)*yf-* «вязать»; *pərwic-* «просеивать» при *wic-* «помещаться».

Данные современного состояния не дают возможности воссоздать, хотя бы в наиболее общих чертах, картину развития спрягаемых форм протоваханского состояния. Наиболее употребительной формой, судя по всему, мог здесь стать древнеиранский презенс индикатива актива, легший в основу современной формы настояще-будущего времени. В качестве императива, возможно, получила распространение форма с показателем *-*a* (типа ав. *bara!* «неси!»), о чем свидетельствует наличие в современном ваханском языке формы императива 2-го л. ед. ч. с нулевым признаком: *waz!* «падай!».

Относительно функционирования других глагольных форм можно высказать лишь некоторые догадки. Возможно, что уже на протоваханском уровне отпала необходимость в форме медиального залога в связи с широким распространением типа залогово расчлененных основ на *-*aya* и *-*ya*, взявших на себя ту же функцию, что и личные окончания — показатели залога. В древнеперсидском, например, при пассивных основах на *-*ya* всюду стали употребляться окончания активного залога: *vayam Naḫāmanišiyā vahyātahi* «мы Ахеменидами называемся». Аналогичные случаи имеются в Авесте: *kiryeiti* (< *kr-ya-ti*) «делается».

Явления разного рода фонетических переходов могли привести к смешению, а впоследствии к отмиранию в ваханском языке различных неизъявительных форм глагола.

На протоваханском уровне значительно шире, чем в древнеперсидском и авестийском языках, активизируется действие именных оборотов, легших в основу нынешней формы прошедшего времени. При этом выявляется значительная самостоятельность протоваханского (по сравнению с протошугнано-язгуляемским и протомунджанским состоянием) в выборе и употреблении именных оборотов. В качестве предикатов в этих конструкциях в ваханском, помимо исторического причастия на *-*ta*, использовались также отглагольные имена на *-*na*, типа *wəṣəṣn* «оставаться» < **wi-*, **awi-riy-na*, √ *rik/g-*, происхождение которых недостаточно ясно. С одной стороны, это могли быть причастия на *-*na* (типа ав. *pṛ-na* «наполненный»), но они встречаются в древнеиранских текстах редко, и, может быть, были уже непродуктивными на протоваханском уровне. С другой стороны, это могли быть отглагольные имена на *-*na-* (типа ав. *yas-na* «почитание, моление»). Кроме того, можно полагать, что параллельно с формами на *-*na* и *-*ta* предикатами именных конструкций становились также отглагольные имена на *-*ti*, должно быть, эти две последние формы и являются истоком нынешних основ прошедшего времени на *-t/d(i/əy)*. Известны случаи параллельного использования форм на *-*ta* и *-*ti* в функции именного сказуемого в среднеперсидских надписях [13], а также в языках шугнано-язгуляемской группы и в мунджанском [14, с. 28—30; 3, с. 99—100].

В пользу происхождения части основ прошедшего времени ваханского глагола от древнеиранских отглагольных имен на *-*ti* говорят следующие факты:

1. Двойное отражение др.-ир. **a*, что предполагает положение *i*-умлаута⁶ в одних случаях — (*čaw*): *taḏd*⁷ «ходить» < *(*čyav-a-*): *taḡ-ti* и нейтральное в других — *tukn* «хождение» < **tak-na*, √ *tak/g-*.

⁶ О положении *i*-умлаута в ваханском языке см. [15, 16].

⁷ Супплетивный глагол.

Двойко в ваханском языке отражается также древнеиранский долгий *ā — как *y* и как *o* — в пределах каузативных основ настоящего и прошедшего времени, что также может быть объяснено открытостью слога в основе настоящего времени и *i*-умлаутным положением в основе прошедшего времени: *kyn:kot* «копать» < **kān-aya :kā-ti*⁸, √*kan-*.

2. Наличие факультативного элемента *-i/əy* в исходе основ прошедшего времени вообще нельзя объяснить иначе, чем прямым отражением самого форманта *-ti*: *vand :vasti/əy* «завязывать» < **banda :basti*, √*ba(n)d-*, распространившегося позже на все типы основ (и даже на основы на *-n*: *wəṛəç :wəṛəṣni/əy* «оставаться»). В то же время по аналогии с основами, восходящими к причастиям на **ta-* и к формам на **-na*, исход *-i/əy* становится необязательным факультативным элементом.

3. Именно частое использование имен действия на **-ti* в роли сказуемого в именных оборотах могло сказаться на таких немаловажных фактах, как нейтральность ваханской косвенной конструкции к переходности/непереходности, субъектное согласование, развитие посессивной (а не эргативной) конструкции (подробнее об этом см. ниже).

Косвенным свидетельством того, что имена на **ti* вошли в состав основ прошедшего времени, является факт отсутствия в современном ваханском языке самостоятельных рядов отглагольных имен на *-t/d* < **-ti*, имевших столь широкое распространение в других памирских языках.

На протоваханском уровне вокруг вышеуказанных отглагольных имен развиваются два типа именных оборотов, являющихся прототипом нынешних прямой и косвенной конструкций предложения.

Прямая конструкция представляет собой обычное древнеиранское именное образование с подлежащим в прямом падеже + связка + именное сказуемое. Ср. ав. *azəm ...ahmi haomō ašava* «я есмь Хом праведный». Эта конструкция становится особенностью непереходных глаголов; переходные в пределах данной конструкции приобрели пассивное значение, что видно из ав. *āat a'nhe ahi a'w-yaštō* «(ты) им (т. е. поясом) еси опоясан» (Хом Яшт 26).

Для выражения активного деятеля требовалась постановка субъекта в косвенном падеже, что исключало его согласование с пассивным причастием. Такое построение фразы засвидетельствовано в древнеперсидском языке [*ima tya manā kartam (asti)* «то, что мною сделано (есть)»], что привело в дальнейшем к развитию в ряде иранских языков эргативной или — точнее — эргативообразной конструкции при переходных глаголах с ориентацией глагола на объект действия [17]. Древнеперсидская модель отражает один из возможных, но далеко не единственный путь снятия пассивного значения глагола.

Для ваханской косвенной конструкции предложения, с учетом ее специфических черт, можно реконструировать следующую форму: косвенный падеж для действующего лица (необязательно родительный, как в древнеперсидском) + отглагольное имя на **-ta* или **-ti* или же **-na*: *maž kart(i/əy)* < **mazyā kṛta* или *kṛti* «я сделал» < «у меня (мною) сделанное» или «у меня мое делание». Для перевода пассивного построения в активное в эту конструкцию рано были введены энклитические местоимения, указывающие на принадлежность действия субъекту: *maž(-əm) kart* < **mazyā kṛta-am* или *kṛti-am* «я сделал» < «у меня мое сделанное (или делание)».

Так с помощью энклитических местоимений образовалась посессивная конструкция с ориентацией глагола на субъект действия.

Восстановление этой конструкции хорошо объясняет отсутствие в ваханском каких бы то ни было следов объектного (пассивного) спряжения, заметных в других памирских языках, для которых восстанавливается эта же конструкция [3, с. 94—100]. Переходный глагол в притяжательной конструкции, получив с самого начала ориентацию на субъект действия, исключал тем самым возможность пассивного его понимания, а, следова-

⁸ На раннем этапе происходит усиление огласовок прошедших основ по аналогии с каузативными основами настоящего времени.

тельно, и становление объектного спряжения. О раннем и изначально широком употреблении энклитических местоимений в косвенной конструкции в роли личных показателей говорит их распространение на прямую конструкцию, из которой они вытеснили связку: *tu-at wašt* «ты упал». Теоретическая же возможность допущения притяжательной конструкции с энклитическими местоимениями в роли личных показателей едва ли может оспариваться, тем более, что типологически вполне аналогичную конструкцию мы находим в северных таджикских говорах на базе отглагольного имени на *gi* + местоименные энклитики. Ср. тадж. *man-a guftagi-m* «я сказал», букв. «у меня мое сказанное»; *tu-ya guftagi-t* «ты сказал», букв. «у тебя твое сказанное». Построение же этой формы со связкой (факультативной в таджикском языке) переводит фразу в пассивный план: *šumo ruuxat-ba navištagi-ed* «вы записаны в список».

Сказанное означает, что конструкция с причастием на **-ta* могла получить двойное развитие: а) со связкой, что дало в ряде языков (среднеперсидский, курдский, афганский) объектное (пассивное) спряжение, т. е. эргативобразную конструкцию; б) с энклитическими местоимениями, что дало в памирских языках субъектное (активное) спряжение, т. е. косвенную конструкцию⁹.

Развитию в ваханском языке именно посессивной, а не эргативной конструкции способствовал тот факт, что в нем большую роль в образовании основ прошедшего времени играло отглагольное имя действия на **-ti*. Эта форма сама по себе была лишена залогового аспекта, а потому не могла вызвать к жизни пассивного (объектного) спряжения. Если было возможно др.-пр. **azəm ahmi abi-yasta(h)* «я емь опоясан», то невозможно было **azəm ahmi abi-yasti* «я емь опоясывание», т. е. в роли финитного глагола отглагольное имя на **-ti* исключало использование связки, требуя косвенного падежа не только для субъекта, но и для объекта действия (типа: «у меня взятие мое того-то» или «по отношению к тому-то»).

Притяжательная конструкция в отличие от эргативной устраняла противоположение переходных и непереходных глаголов. Построения «у меня мое взятие» и «у меня мое сиденье» были одинаково возможными, в чем и лежат истоки безразличия косвенной конструкции к переходности/непереходности в современном ваханском языке: *mazž(-əm) vast(i/əy)* «я привязал», ср. *ma. (-əm) taŷd(i/əy)* «я ушел».

Функционирование некоторых непереходных глаголов в косвенной конструкции отмечается, как известно, и в других памирских языках. Косвенная конструкция, как предполагает В. С. Соколова, лучше подходила для отдельных групп непереходных глаголов, в частности для глаголов, выражающих состояние типа «плакать», «смеяться», «кашлять», ср. «у меня (мое) кашляние». «Непереходные глаголы при этом использовали, по всей вероятности, не причастие на **-ta*, а отглагольное имя на **-ti* как залогово нечленимое. Во всяком случае, *i*-умлаутную перегласовку в сохранившихся старых основах прошедшего времени мы находим в мунджанском языке, главным образом, именно у непереходных глаголов: *rəv* : *rəvd* „лаять“, *xəf* : *xift* „кашлять“ [3, с. 100].

Восстановление изначально широкого круга непереходных глаголов, использовавших косвенную конструкцию для ваханского языка, тем более вероятно, что широко применение в нем отглагольного имени на **-ti* несомненно. Иными словами, есть все основания восстанавливать для ваханского языка две изначально параллельные конструкции в сфере переходных глаголов: прямую с причастием на **-ta*: **azəm ahmi rix-ta* «я ушел» и косвенную (посессивную) с отглагольным именем на **-ti*: *mazyə wašti*

⁹ Роль энклитических местоимений, встречающихся в эргативобразной конструкции, принципиально иная. Они выступают там в своем прямом назначении субстантивного местоимения, заменяющего во фразе не названное имя (или полное местоимение), и к глаголу, конструируемому со связкой, отношения не имеют. При названном субъекте действия энклитические местоимения, естественно, отсутствуют. Ср. ср.-перс. *u-š nāmak ō Papak kart* (Кн., I, 525) «и он написал письмо Папаку», при *Sasīn hangīnak kart* (Кн., I, 418) «Сасан так и сделал». [18]. Ср. при наличии объекта: *u-m imīn sax^{van} ahend* «мною эти слова сказаны».

«я упал», причем последняя, по всей вероятности, использовалась первоначально для выражения неактивного действия (состояние или произвольное действие). Подтверждение тому — наличие у глаголов произвольного действия, как и у каузативных основ, сильного корневого гласного в настоящем и прошедшем времени, указывающего на изначальное спряжение этих глаголов по типу переходных (через косвенную конструкцию).

В результате в ваханском языке косвенная конструкция так и не получила специальной грамматической нагрузки в качестве приметы переходных глаголов, в отличие от других памирских языков, где использование имен на **-ti*, надо полагать, было менее распространено. Ср., например, обычную для шугнано-язгулямской группы огласовку основ прошедшего времени, возникающую из нейтрального положения (< причастия на **-ta*) при сравнительно редкой огласовке, возникшей из положения *i*-умлаута (< отглагольного имени на **-ti*) [3, с. 107]. Для ваханского языка, напротив, характерна *i*-умлаутная огласовка прошедших основ.

Ранневаханское состояние. Характерные черты данного периода заключаются: в частичном отмирании флексии и распаде системы древнеиранского глагола; в появлении на новой базе грамматических образований, не свойственных древнеиранскому (протоваханскому) состоянию; в переосмыслении значения ряда унаследованных форм.

Именно с этого периода, т. е. с периода появления образований, построенных на новой базе, и можно говорить о собственно ваханском языке.

Значение унаследованных древнеиранских глагольных классов в этот период всюду сводится к выражению переходности/непереходности, причем функция выражения переходности/непереходности с отпадением флексии частично возлагается на огласовки основ. Так, основной приметой переходности становится огласовка **ā > ы*, сочетавшаяся на древнем уровне с суф. **-aya*. Новые переходные пары стали строиться путем усиления огласовки по аналогии с историческими каузативными основами, в результате чего в языке появляется большое число (около 50) переходных глаголов с «ы-огласовкой». Явление, связанное с усилением огласовки, было живым вплоть до последнего времени. В единичных случаях перегласовка по типу исторических каузативов наблюдается даже на современном этапе языкового развития — *čip : čəvd/čyp : čopt* «собирать»; *žip : žəvd/žyp : žovd* «прясть».

По переходности этим основам могли противостоять основы с исторической слабой огласовкой; прежде всего это «ə» < **a, *i, *u*, сочетавшихся иногда с суф. **-ya*. Но эта огласовка, как можно полагать, очень скоро утрачивает связь с морфологическим значением из-за слияния в ней различных исторических гласных в зависимости от фонетических позиций.

Другие унаследованные классы, ставшие плеонастическими, переходят в разряд застывших форм.

Новую активизацию на качественно иной базе получают некоторые унаследованные, но уже непродуктивные суффиксы застывших корневых образований. Так, новые отглагольные имена стали строиться путем присоединения к бывшему отглагольному имени на **-ti* (утратившему вследствие использования в роли основ прошедшего времени свое именное значение) суф. *-n*, по типу *pit-n* (от глагола *piv : pit* «пить»), *nyid-n* (от *nəzd : nəyn* «садиться»), *yit-n* (от *yaw : yit* «есть»); *škid-n* (от *škəd : škən* «разбиваться»), причем этот тип образования, судя по многочисленности примеров, становится весьма продуктивным.

Формы на *-n* перестают, также на раннем этапе, выполнять двойную роль; по преимуществу они, как и прежде, стали употребляться в именной функции, закрепившись в роли основ прошедшего времени лишь в небольшом количестве глаголов.

Причастие на **-ta* (так же, как и имя на **-ti*), превратившееся в основу прошедшего времени, было заменено унаследованным вторичным причастием на **-taka*, общим для всех памирских языков (тип **kɣtaka* «сделанное» > вах. *kərk*, шугн. *čuyi*). Однако в отличие от других памирских языков элемент *-lk* старого причастия был переосмыслен на

ранневаханской почве в самостоятельный суф. *-k* и приобрел продуктивность, образуя прошедшие причастия от основ прошедшего времени на *-n* по типу **bən-k > bəng* — причастие от глагола *bəd : bən (√pat-)* «падать» [ср. старую форму *bətk < *(ham-)pataka* — причастие от глагола *byt : bət* «разрушать»].

Таким образом, в синхронном плане для ранневаханского мы постулируем продуктивное образование отглагольных имен от основ прошедшего времени на *-t* и *-n*, иначе говоря, базой для образования новых форм в этот период становится основа прошедшего времени.

Окончательное оформление основы прошедшего времени означало вступление ее в прямую коррелятивную связь с основой настоящего времени с противопоставлением обеих основ по признаку времени. Основы презенса имели лишь одну дополнительную грамматическую нагрузку: различие переходности/непереходности посредством внутренней флексии (прежде всего — перегласовки гласных основ). Наиболее продуктивным и наиболее стойким морфологическим элементом оказался сильный гласный каузативных основ **ā*, который и был перенесен в прошедшие основы для обозначения переходности по типу **kān(aya) : kāti/a*. Расщепление **ā* (вероятно, ранневаханский **ā*) на две фонемы в зависимости от фонетической позиции (см. выше) дало закономерное чередование *ы : о* в подобных каузативных основах. Ср. *кын : kot* «копать». По типу огласовки позже стали выравниваться и согласные элементы обеих основ. Так возникли и широко распространились ранневаханские вторичные прошедшие основы каузативного типа, составляющие ныне правильные глаголы II группы (59 глаголов) с регулярно чередующимися огласовками: *спын : spond* «наполнять» при *спан : spat* «наполняться»; *пыв : novd* «увлажнять» при *нав : navd* «впитывать влагу»; *пšыв : pšovd* «возвращать» при *пšав : pšat* «возвращаться»; *выдыр : wodort* «держат», *сыж : sojt* «мазать» и др.

Полное преобразование причастия на **-ta* в основу прошедшего времени привело к окончательной функциональной нейтрализации прямой и косвенной конструкции. Эти формы стали выравниваться между собой не только по своей функции, но даже по внешним морфологическим признакам: из косвенной на прямую конструкцию переносятся показатели лица и числа, происходящие от энклитических форм местоимений, вытесняя, а в ряде случаев скрепляясь со старыми связочными элементами. По аналогии с последними энклитические местоимения приобретают способность свободно менять место во фразе. В результате в вахацком языке, как и в других памирских, возникают особые подвижные показатели лица и числа претерита, функционально эквивалентные личным окончаниям настоящего-будущего времени.

Поздневаханское состояние. Данная стадия характеризуется глагольными новообразованиями уже исключительно от основ настоящего времени. Основы прошедшего времени как база образования новых форм оказались несостоятельными, во-первых, по причине двойного оформления на *-t/d(i/əy)* и *-n(i/əy)*, во-вторых, по причине выраженного в этих основах признака времени.

Модель образования от основ настоящего времени фактически формировалась уже на раннем этапе развития языка, когда фонетическое развитие привело, в ряде случаев, к закономерному совпадению основ настоящего времени с корневой частью основ прошедшего времени и отглагольных имен *-pərs : pərst(i/əy)*, имя действия *pərsn* «спрашивать» $\langle *pṛsa : pṛsta$ (или *pṛsti*), имя действия **pṛs-na, √pṛs-*; *nav : navd(i/əy)*, имя действия *navn* «мокнуть» $\langle *naβa : naβti$ (или *naβta*), имя действия **naβ-na, √nab-*. Эти нередкие случаи стали восприниматься как сочетание основы настоящего времени с окончанием прошедших основ *-t/d(i/əy)* или с суффиксом имени действия *-n*.

По аналогии с этим на позднем этапе суффикс отглагольных имен стал присоединяться уже не к прошедшей (см. выше), а к настоящей основе по типу *pac + n* «варка (чего-то)» (от глагола *pac : pac* «варить»); *pač + n* «варение (процесс)» (от глагола *pač : pač* «вариться»).

Противопоставление сильной и несильной (слабой и средней) огласовок не могло стать универсальным признаком различия переходности/непереходности, поскольку сильная огласовка $*\bar{a} > \bar{u}$ не могла быть прямо перенесена на глаголы с сонантными корнями. Кроме того, наряду с переходными глаголами, как упоминалось, изначально существовала также особая семантическая группа непереходных глаголов с огласовкой $*\bar{a} > \bar{u}$. Для последних требовался дополнительный способ маркировки переходности. Таковым оказался новый суффикс переходности, вероятно, заимствованный, но принявший на себя чисто ваханскую перегласовку каузативных глаголов $-wv : ov$. Этот суффикс стал производить новые переходные глаголы от основы настоящего времени и ныне является единственным продуктивным признаком переходности — $lakwv : lakovd$ «качать» при $lak : lakt$ «качаться»; $kandwv : kandovd$ «смешать, заставлять смеяться» при $kand : kand$ «смеяться», $\check{c}awwv : \check{c}awovd$ «заставлять идти» при $\check{c}a(w) : ta\check{y}d$ «идти» и т. п.

Новая модель образования имени действия на $-n$, о которой говорилось выше, не могла стать универсальной, во-первых, в силу своей двузначности (основа прошедшего времени на $-n$, типа $k\check{s}y : k\check{s}n$ «слышать» и имя действия на $-n$ типа $ra\check{c}-n$ «хождение, идти»), во-вторых, в силу образования имен на $-n$ по тройному структурному типу: древнеиранские первичные формы — $\delta\bar{a}n$ «доение, доить» $\langle *du\check{y}-na, \sqrt{d\bar{u}k/g-}$, ранневаханские вторичные формы, образованные по модели основ прошедшего времени (\langle старых отглагольных имен на $*-ti$) $+ n - pit-n$ «питье, пить», и поздневаханская модель — основа настоящего времени $+ n - dic-n$ «доение, доить». К тому же суф. $-n$ не мог присоединяться к основе настоящего времени с исходом на $-n$ (например, $*win + n$ «видение, видеть»), что вело бы к его отпадению или ассимиляции.

Поэтому для образования отглагольного имени от основ на $-n$ уже на раннем этапе должен был использоваться широко распространенный именной суф. $*-ka > (\bar{a})k/g$, причем подобные имена вследствие вымирания корней могли строиться уже непосредственно от основы настоящего времени: $wing$ «видение, видеть» $\langle *win(a)k(a)$; $kyng$ «копание, копать» $\langle *k\bar{a}n(a)k(a)$; $byng$ «бросание, бросать» $\langle *dv\bar{a}n(a)k(a)$.

Позже при выявлении «несостоятельности» форманта $-n$ этот суффикс получил продуктивность¹⁰, особенно после перемещения корневого гласного в исход основы и далее его отхождения к суффиксу [$pac + k \rightarrow p(a)cak$ «варить»; $na\check{s} + k \rightarrow n(a)\check{s}ak$ «исчезать»], результатом чего явилось возникновение универсального полногласного суффикса инфинитива $-ak$.

Старые вторичные формы причастия прошедшего времени в этот период превращаются в основу перфекта. Новые перфектные основы стали образовываться не от основы прошедшего времени и не посредством суф. $-k/g$ ¹¹ (см. выше), как на раннем этапе развития языка, а непосредственно от основы настоящего времени с помощью $-tk$. При этом происходит уже знакомое нам фонетическое явление, суть которого сводится к перемещению огласовки от исхода основы настоящего времени к суффиксу, вследствие чего возникает новый подударный и продуктивный суф. $-\acute{t}k$. Образование новых перфектных основ от основ настоящего времени с помощью данного суффикса получает широкое распространение: $win-$ «видеть» перф. $win\acute{a}tu$; $stow-$ «хвалить», перф. $stow\acute{a}tu$ и про

На позднем этапе развиваются две новые неспрягаемые глагольные формы: причастия прошедшего времени, возникшие из сочетания прежних вторичных форм причастий (в связи с освоением последним значения перфекта) с суф. $-in$ или $-yng$ типа: $\check{s}k\bar{a}ng-in$ или $\check{s}k\bar{a}ng-yng$ «разбитый», причастия настоящего времени, образующиеся от формы инфинитива с помощью суф. $-yng$: $ra\check{c}ak-yng$ «идущий».

¹⁰ Суф. $(\bar{a})k/g < *ka$ в ваханском всегда оставался живым морфологическим элементом, о чем говорят факты его использования при различных именных образованиях.

¹¹ Подобное образование в ряде случаев должно было бы привести к совпадению перфектных основ и форм имен действия, образованных также с помощью $-k/g < *ka$.

Очевидно, на грани позднего и современного этапов из сочетания перфектной основы (причастия) со вспомогательным глаголом «быть» в форме прошедшего времени возникла форма преждепрошедшего времени. Сейчас данный глагол в этой своей функции фактически превратился в суффикс преждепрошедшей основы *-tu*, начав присоединяться уже не к основе перфекта, а к основе настоящего времени в трансформированном виде *-ātu** (верхний говор *-ātuw*) по типу: *diš-ātu* от глагола *diš*: *dišt* «знать»; *wyd(y)r-ātu* от *wydyr*: *wodort* «держатъ». Прежняя самостоятельность глагола *tu* в составе преждепрошедшего времени прослеживается лишь при старых перфектных основах, прежде всего при основах с исходом на *-ng*, где не происходит какого-либо слияния с перфектной основой: *wuz-am rang-tu* «я убежал», букв. «я был убежавшим».

Современный этап языкового развития. Некоторые языковые процессы позднего периода, не нашедшие своего полного завершения, продолжают протекать на современном этапе развития ваханского языка. Нынешний период является, таким образом, не новой стадией, а логическим продолжением поздневаханского состояния.

Для современного этапа характерна дальнейшая унификация основ по типу правильных, образующихся от основ настоящего времени, иначе говоря, имеет место процесс перехода от старых неправильных основ к новым правильным типам основ, строящимся по модели:

Основа настоящего времени (*pitic*-«нанизывать») +

1) <i>-t/d(i/əy)</i>	=	осн. прош. вр.	—	<i>pitic-t</i> (<i>/pityaʃn</i>)
2) <i>-ət k</i>	=	осн. перф.	—	<i>pitic-ət k</i> (<i>/pityaʃk</i>)
3) <i>-ātu'uw</i>	=	осн. плюсквамп.	—	<i>pitic-ātu/uw</i> (<i>/pityaʃtu/uw</i>)
4) <i>-ət k + in</i>	=	прич. прош. вр.	—	<i>pitic-ət k-in</i> (<i>/pityaʃk-in</i>)
5) <i>-n</i>	=	им. действ.	—	<i>pitic-n</i> (<i>/pityaʃn</i>)
6) <i>-ak</i>	=	инф.	—	<i>pitic-ak</i> (—)
7) <i>-ak + bızg</i>	=	прич. наст. вр.	—	<i>pitic-ak-bızg</i> (—)

Следствием распространения данного процесса явилось возникновение большого количества глаголов с дуплетными основами.

Для определения нынешнего уровня развития переходного процесса и выявления основных тенденций его развития целесообразно исходить из статистических данных. При анализе этих данных выявляется, что процесс перестройки в целом ведет к созданию для прошедшего времени правильных основ I и II групп. Правильные глаголы II группы представляют собой застывшие формы¹².

Из общего числа более 500 простых глаголов ныне более 70% являются правильными глаголами I и III групп. На долю правильных глаголов II группы приходится 12% глаголов. Из оставшихся 18% неправильных глаголов ныне еще 7%¹³ перестраиваются по типу правильных глаголов I группы, что говорит в пользу дальнейшего уменьшения числа неправильных основ, наличие которых в определенной степени противоречит создавшейся системе. Существенно, что новообразования более характерны для речи молодежи, а старые формы чаще, а иной раз исключительно, употребляются ваханцами старшего поколения.

Заметным признаком настоящего периода является также процесс вымирания косвенной конструкции предложения, изжившей себя в результате ее полного функционального совпадения с прямой конструкцией. В нижних ваханских селениях в какой-то степени, возможно, под влиянием местных таджикских говоров, эта конструкция полностью исчезла,

¹² Правильные глаголы только в прошедшем времени делятся на три группы, исходя из а) прямого соответствия огласовок основ настоящего и прошедшего времени *wın*: *wınd* «видеть» (I группа); б) регулярного чередования огласовки *ы:о* в обеих основах — *wadyr*: *wodort* «держатъ» (II группа); в) регулярного чередования огласовки каузативного суф. *-ыw*: *ov* — *kandyw*: *kandovd* «заставлять смеяться» (III группа) [19, с. 593]. При образовании основы других времен и неспрягаемых глагольных форм все эти группы сливаются в единую первую группу, поскольку в этих случаях огласовка «ы» не изменяется качественно.

¹³ Проценты во всех случаях исчисляются от общего числа 500 глаголов (100%).

в верхних селениях она удерживается всего лишь при субъектах, выраженных местоимениями 1 и 2-го л. ед. числа.

На современном этапе наблюдается тенденция превращения некоторых свободных синтаксических сочетаний в глагольную форму. При этом в качестве спрягаемой формы можно выделить регулярное сочетание перфектных основ со вспомогательным глаголом *ытыу-* «быть: являться», употребляющимся для передачи различных модальных значений в прошлом: *yaw zi ĭnətk ытыт ki...* «будто бы он сказал так...», *wiz winətk ытуэм нив-эм-џа ĭiz vityw* «если бы я повидал (свет), то наверняка теперь уже научился бы чему-нибудь».

Выделяются и некоторые другие формы [11, с. 78; 19, с. 599], которые, однако, еще не достигли должного уровня развития: они не превратились окончательно в регулярные сочетания, и их составные компоненты пока сохраняют свою самостоятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов С. Н. Авестийский язык. М., 1961.
2. Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык. М., 1965, с. 99.
3. Соколова В. С. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы. Л., 1973.
4. Стеблин-Каменский И. М. Историческая фонетика ваханского языка: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук, Л., 1971.
5. Эдельман Д. И. О конструкциях предложения в иранских языках.— ВЯ, 1974, № 1.
6. Emmerick B. Saka grammatical studies. London, 1968.
7. Tomaschek W. Central-Asiatische Studien. II. Die Pamir Dialekte.— SWAW, Phil.-hist. Klasse, 1880, 96, I—III.
8. Morgenstierne G. Indo-Iranian frontier languages. V. II. Iranian Pamir Languages. Oslo, 1938.
9. Tedesco P. *a*-Stämme und *aya*-Stämme im Iranischen.— Zeitschrift für Indologie und Iranistik, 1923, Bd. II, Hft. 2.
10. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.— Л., 1949, с. 190.
11. Пахалина Т. Н. Ваханский язык. М., 1975.
12. Morgenstierne G. Etymological vocabulary of the Shughni group. Wiesbaden, 1974, p. 47.
13. Соколов С. Н. Описательные обороты и глагольные гетерограммы в среднеперсидских сасанидских надписях.— Вестник ЛГУ, 1957, сер. истории языка и литературы, вып. 2, № 8, с. 98—99.
14. Соколова В. С. Генетические отношения язгулямского языка и шушанской языковой группы. Л., 1967.
15. Пахалина Т. Н. О роли *i*-умлаута в истории развития вокализма иранских языков.— ВЯ, 1977, № 4.
16. Соколова В. С. К истории вокализма ваханского языка.— В кн.: Иранское языкознание. 1980. М., 1981.
17. Пирейко Л. А. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.
18. Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык. М., 1966, с. 96—99.
19. Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М., 1976.